

«Каждый раз, когда наступает
зима, первое, что появляется в
моей голове — это ты»

НЕ АДЕРЖИ МЕНЯ

Ясмина Исматова

Самому болезненному из всех «прощай»

Тебе никогда меня не сломить

От автора

Шекспировский Малcolm врал, когда говорил, что боль – это хорошо.

И когда он буквально молил ее о том, чтобы она распорола его грудную клетку своими острыми когтями, пустила в нее свои скрюченные пальцы, достала его едва бьющееся сердце и сжала между гнилыми зубами, тоже, конечно же, врал. Малcolm ведь и сам понятия не имел, что щемление позади ребер – это не просто расстрел в упор, а принятие яда по капле.

И сейчас я это понимаю.

Дать разрастись боли в себе ребенком, позволить ей стать аномалией сродни своей пятой конечности и впустить в свое тело этот вирус когда-то было самым худшим моим решением. Два мучительных года я хранила ее в себе и не позволяла вырваться наружу, думая, что никого это не волнует.

Никого ведь в действительности и не волнует.

За все это время жизнь сбросила на меня одну сокрушительную правду: никто не поможет тебе, кроме тебя самого. Два года назад я заболела нервной анорексией, через несколько месяцев после восстановления от нее – булимией. Каким бы ужасающими не были все составляющие этого опыта, самым болезненным было то, что через все это я проходила *одна*.

Рядом со мной не было человека, который сказал бы мне остановиться. Рядом со мной не было человека, который бы привел меня в сознание. Рядом со мной не было человека, который заметил бы, что со мной происходит. Разбирая произошедшее со мной сейчас, я понимаю, что во многом это из-за того, что не все в моем окружении понимали, что на самом деле со мной происходило.

И это страшно.

Бороться в одиночку с тем, что никто не понимал, было чертовски страшно.

Страшным было так же то, что я понимала, что нахожусь на пороге смерти, но не могла остановиться. Убивать саму себя как физически, так и ментально, как бы не твердили романтизированные записи из групп «ВКонтакте», было больно. Настолько больно, что мне хотелось расцарапать себе грудную клетку, содрать кожу слой за слоем и вырвать волос за волосом из головы, лишь бы не чувствовать это.

Никто не заслуживает проходить через подобное самому, но это происходит на постоянной основе, в основном из-за того, что никто не понимает, что на самом деле означает «анорексия».

И когда я это осознала, я решилась написать эту историю.

Вы не одни.

Ясмина

Начало

*Каждый раз, когда наступает зима, первое, что приходит мне в голову — это **ты**.*

Именно поэтому я ее никогда и не жду. В первые ее дни я выбрасываю к чертям календари, закрываю все шторы в квартире и игнорирую в супермаркетах адвент-календари. Порой могу презрительно фыркнуть, случайно оказавшись в отделе с елочными игрушками и мишурой, чаще — просто прохожу мимо с опущенной вниз головой. Видя мое печальное лицо, продавцы сразу же отбрасывают свои маленькие елки в сторону и прячут гирлянды в виде снежинок. Они не лезут, как, впрочем, и другие.

Для соседских детей я своеобразный Гринч. Угрюмый такой, несчастный, обозленный на весь мир, только без зеленой кожи и мании испортить другим праздник. А еще более уставшая, чем он, и с красивыми светлыми волосами — дочка мистера и миссис Пауэлл сказала мне это перед тем, как уехать с родителями на выходные кататься на лыжах. Я не стала возражать.

Они думают, что все дело в моей ненависти к Рождеству, ведь я стараюсь не показываться на людях прежде, чем оно не пройдет. Миссис Бишоп, кстати, придерживается того же мнения, только в отличии от детей именует меня «бездожной» и вешает на ручку моей входной двери цепочку с крестом в те редкие дни, когда меня нет дома. Я возвращаю ее обратно ее сыну, работавшему в аптеке около дома. Фред извиняется минут с пятнадцать, а затем подкидывает в пакет с моими лекарствами гематоген за свой счет, но все же поддерживает свою мать:

— Знаешь, Вен, тебе действительно стоит показываться на людях хотя бы на выходных. Ну, чтобы они перестали пускать о тебе разные сплетни и прочее.

Он делает не в целях обидеть меня, и я это прекрасно понимаю, потому просто киваю и улыбаюсь:

— Да, стоило бы. Как-нибудь когда-нибудь.

— Так почему ты всегда прячешься от нас дома зимой?

Фред задает этот вопрос во время наших редких встреч и всегда в самом конце. Я уже должна была выработать к ней иммунитет и научиться отмахиваться, переводя тему, но не смогла. И раскрывать правду, и врать о тебе сложно, поэтому оставляю гематоген на прилавке и сразу же ухожу. Несмотря на то, что все его слова о зиме всегда выводят меня из колеи, они не делают это так, как делает первый снегопад.

Именно поэтому в этом году я выезжаю раньше первого декабря. На шоссе, ведущим из Калифорнии в Орегон, пыльно и мерзко; недавно прошел дождь, забрав вместе с собой последние надежды на «зимнюю сказку». Мне же лучше: я улыбаюсь, открываю пошире окно и высовываю из него свою голову, поворачиваясь навстречу ветру. Сырой, палящий и мягкий, он не бьет мне в лицо. Напротив, прикипает к коже, облепляя влажной пленкой, и лучи зноного солнца вторят ему, грозясь расплавить — ни единого намека на то, что завтра первый день декабря.

Мне такое нравится, ты же, знаю, тут же заныла. Смешно сморщила нос и нахмурилась, умоляя отвести к горам, где побольше снега. При виде его ты бы запрыгала на месте, залившись звонким и живым смехом, подобно ребенку, а затем, я уверена, случайно провалилась бы в сугроб и рассмеялась громче. Ты бы попросила меня подойти к тебе, чтобы помочь, но вместо этого потянула бы к себе за руку, повалив и меня за собой. Я бы ни черта не возражала: я ведь *когда-то любила снег*.

От одной только мысли о тебе все внутри превращается в щепки и отвратительно щемит. Кажется, что сейчас все перевернется и вывернется наизнанку. До тошноты невыносимо терпеть то, как воспоминания-призраки о тебе, словно самые что ни на есть пули, проникают в тело, проходят через мышцы, разрывают к чертям все кровеносные сосуды и вены, а следом оказываются и в сердце, впиваясь в него тысячью острыми иглами. В ушах звенящая тишина, наполненная одной тобой. Мне больно и хочется рассыпаться пеплом прямо здесь за рулем, лишь бы ничего не чувствовать, но вместо этого я сильнее нажимаю на газ, проезжая мимо знака «Добро пожаловать в Орегон».

Едва мне показались горы на границе штата, я вдруг представила то, как ты это все оставляешь. Как ты в последний раз взбираешься на самый низкий, единственный доступный склон; твои руки и ноги дрожат, но ты идешь до самого конца, ведь понимаешь, что больше шанса не будет; как ты делаешь тысячу полароидных фотографий Ашлэнда, чтобы развешать их в своей новой комнате в Сан-Франциско; как ты прощаешься с друзьями, крепко их обнимая, и обещаешь вернуться. И, я думаю, ты понимала, что не сможешь.

Ты говорила о том, что больше всего любила свой дом. Именно к нему я и еду, не отрываясь от навигатора. Я здесь впервые за минувшие десять лет; последний раз был тогда, когда ты ушла. Твои родители, кстати, были еще тут. Они прогнали меня, едва я показалась на пороге, но напоследок отдали твои любимые книги Агаты Кристи. Видимо, чтобы отвлечь, ведь я даже не успела разглядеть ваши окна, но я точно помню, что там не было ни твоего детского бассейна, ни садовых гномов, о которых ты говорила.

Как только я останавливаюсь у бордюра, я закрываю все окна машины и выхожу из нее вместе с «Вечеринкой в Хэллоуин» Кристи, попутно накидывая на себя куртку. Съеживаюсь от холода, спеша побыстрее укутать шею шарфом. И как ты только здесь жила? Этот город не дышал жизнью, а лишь отстранено смотрел на всех издалека, решаясь не вмешиваться в жизни чужих и обдувая одним холодом. Здесь все казалось пустым, мертвым и серым, и твой дом не был исключением.

Я подхожу к нему ближе, переступая через сорняки и жесткую траву, дико растущую в разные стороны. Где-то среди этих зарослей я замечаю несколько одуванчиков и пустые бутылки, но большую жалость в меня вселяет вид дома. Красные кирпичи, выбранные тобой, откололись в некоторых местах. Цвет на некоторых из них стерся, в то время, как одно из окон было и вовсе выбито. Его осколки лежали на табличке «продается», выдернутой, а затем сброшенной кем-то на землю.

Здесь уже давно никто не жил. Ты не вернулась, и они все же осознали, что это никогда не случится.

Я сделала то же самое: едва мне исполнилось восемнадцать, я сразу же уехала из Сан-Франциско. Бросила все к чертям и переехала южнее, потому что

— Все в порядке? — Мой голос тихий и хриплый после часового молчания — ты не очень разговорчивая. Я не хочу тебя отпугнуть, поэтому держу дистанцию, не касаясь тебя и лишь глядя на твой профиль.

— Да.

Ты слабо растягиваешь уголки свои губ. Тебе не хочется это делать: ты выдавливаешь из себя эту улыбку, и это становится еще заметнее, когда ты поворачиваешь ко мне свое лицо. Твои яблочные щеки опущены, серые губы сжаты в тонкую полоску. Ты не смотришь на меня, не хочешь, чтобы я тебя прочитала, и я не лезу, но не могу отметить то, что у тебя такие же бесцветные глаза. Я не могу увидеть в них ничего, кроме муты.

— Не обращай на них внимания. Они... ну, знаешь, любят задевать людей и прочее. Словом, не из тех, кому стоит всецело доверять. — Я не могу оставить тебя, поэтому продолжаю поддерживать, хотя ты, судя по глубокой складке на твоем лбу, в этом не нуждаешься.

— Я научилась не смотреть на таких. — Ты выдаешь смешок; на этот раз — искренний. — Это даже не из-за них мне так грустно. Я просто...

Ты переводишь взгляд на нарисованные горы в своей тетради, а затем замолкаешь, порой нерешительно поглядывая на меня. Ты не хочешь делиться со мной своими переживаниями, и я даже не успеваю спросить тебя о них. Как только ты слышишь школьный звонок, ты сразу же вскакиваешь с парты и уходишь, но, прежде чем уйти, выкидываешь тетрадь в мусорку. Ты поворачиваешь голову назад, и мы пересекаемся взглядами. Зачем ты это сделала? Ты уходишь прежде, чем я успеваю произнести этот вопрос вслух.

А на следующий день возвращаешься другим человеком.

На подземном этаже, где находились наши шкафчики, холодно. В зиму, что ты переехала в Сан-Франциско — особенно. Мороз проходит острым

лезвием по лицу, впиваясь мелкими иголками в щеки. Со стороны окна слегка дует стылый ветер, пробираясь под самую кожу. Все окна заперты. Никто не знает, в чем дело.

Девочки ноют о неработающих батареях, но, противореча себе, не поднимаются наверх. Они медленно собирают свои книги, долго рассуждая о новом учителе. Некоторые из них прыгают и обнимают друг друга, чтобы согреться. Я закатываю глаза и кладу в рюкзак тетради, в последний раз сверяясь с расписанием. Больше всего я хочу поскорее оказаться в теплом классе, меньше — столкнуться с тобой.

С того дня, что ты выбросила свою тетрадь, мы с тобой больше не разговаривали. Ты спешно переводила свой взгляд в сторону, когда нам случалось случайно встречаться глазами в толпе. Равнодушно относилась ко мне, когда нас разделяли по группам. Обычно просто молчала, отказываясь выполнять задание, а под самый конец присоединялась к другим группам, где были твои подруги.

— Виллоу! — пищит одна из твоих подруг, выбегая вперед.

— Ты пришла!

За ней следуют и остальные трое, вешаясь на тебя. На них всех, как тавро, блестят красные ободки. Хоть никто в школе и не произносит это вслух, все знают, что это означает. Они были твоими подругами. Твоей свитой. Твоей собственностью. Твоим единственным, но ценным владением в школе. Они были статусом, который ты быстро получила. *Слишком* быстро.

На следующий день после нашего разговора ты раздала им свои красные ободки. Сперва они презрительно фыркнули, выкинув их все на задний двор школы. На твоем лице не дрогнул ни единый мускул, но, клянусь, издалека мне показалось так, что руки твои сжались в кулак, и ты была готова наброситься на них. Ты не набросилась. Ты была дипломатична и на следующий день принесла другие, дизайнерские. На них они набросились жадно, готовые, словно дикие звери, вцепиться в них своими клыками и разорвать на части, лишь бы никому не отдавать. Примерно месяц ты бегала за ними, как ручная собачонка, и только после они короновали тебя.

Другим же ты сказала, что они первые выпросили у тебя ободки.

Сьюзи поправляет свои очки и стыдливо смотрит на пол, словно в чем-то провинилась. А ты ведь в действительно заставляешь ее чувствовать ее *так*.

— Просто. Взять. И. Подвинуть. Свое. Тело. Перегораживающее. Проход. К. Шкафчикам.

С каждым словом ты сильнее давишь на ее учебник, оставляя все большую вмятину на его обложке. Сьюзи качает головой и просит тебя остановиться. Ты не слышишь и продолжаешь свои мучения. Мне больно на это смотреть, поэтому я оказываюсь рядом с вами прежде, чем ты успеваешь замахнуться ногой, чтобы пнуть книгу к углу.

— Она же попросила тебя перестать.

— *Что?*

Ты поворачиваешь свою голову в мою сторону. Кажется, готова тут же испепелить меня своим взглядом и проделать во мне дыру: я для тебя угроза твоему правлению, поэтому меня тут же нужно устраниć. Ты думаешь, будто я попрошу у тебя прощения, но я не прогибаюсь под тебя и вместо этого лишь продолжаю:

— Она попросила у тебя прощения пятьдесят раз. Она просила тебя остановиться издеваться над ее учебниками такое же количество. Почему тебе так сложно принять извинения и прекратить вести себя, как стерва?

Тебя удивляет, что я перед тобой не преклоняюсь. Лишь неподвижно стою, вздернув подбородок к верху. Тебя это раздражает, будто под кожей рой вшей. Дергаются внутри тебя, тянут за струнки нерв и мелко-мелко кусают. Ты их травишь, конечно же, обернувшись к друзьям в поиске одобрения, но они лезут на тебя снова, когда в ответ от своей свиты ты получаешь одно молчание.

И тогда ты не выдерживаешь:

— Убери от меня свои когти. Не дай бог, еще и клыки обнажишь и укусишь. Бешенство, говорят, вещь заразная.

Твое каждое слово наполнено ядом, только вот ты им же и травишься. На меня это никак не действует: это ведь ты злишься, а не я, от того злость вскипает тебе сильнее. Она в тебе лавой, готовой вот-вот взорваться через очередные обидные слова, но ты ждешь моего ответа, чтобы задеть меня.

— В таком случае я рада тому, что провожу с тобой мало времени.

Ты смеешься, но не так, как раньше. В нем нет ни единой нотки естественной для тебя фальши; в нем концентрированная злоба, со стороны кажется так, будто она была выдержанна в тебе еще с детства. От того мне и страшно: я делаю шаг назад, но ты тут же хватаешь меня за руку, больно сжимая за запястья. Я шиплю и пытаюсь одернуть руку, но ты цепляешься за нее змей.

— Ранки свои береги. — Ты усмехаешься, нежно проводя пальцами по моим венам, и я нервно сглатываю. Увидев это, ты выдаешь хищную улыбку, а следом сильнее давишь по коже, от чего мне становится больнее. — Посильнее обмотай, да больше никогда не снимай с запястья бинты. Если туда попадет моя слюна, малым не покажется.

Никто ничего не понимает, но ты именно этого и добиваешься. Ты хочешь, чтобы все гадали, однако ничего точно не знали, чтобы в случае очередного конфликта разом сбросить все так, чтобы от меня ничего не осталось. Проблема заключалась в том, что ты не знала, что *от меня уже ничего не осталось*.

— Тогда тебе, наверное, пора в больницу делать прививки.

Ты не ожидаешь того, что я отвечу на твою колкость, поэтому замолкаешь на секунду, чтобы придумать ответ. Я не хочу его слышать, поэтому сразу же ухожу, оставляя тебя одну в своем королевстве.

Два

Оказалось, узнать о моих ранах было не так уж и сложно, как мне до этого казалось. Ты заметила их на том самом уроке литературы, когда я по привычке закатала рубашку. Возможно, это случилось, когда мы проходили мимо друг друга в школьном коридоре. Возможно, ты узнала об этом только тем утром, когда мы с тобой поссорились. Как бы то ни было, ты знала, и я отчаянно этого не хотела.

Я не боялась зависеть от тебя. Я не боялась и ни того, что ты раскроешь мой секрет, ни осуждения за своей спиной. Меня страшило лишь то, что я могла заново в этом погрязнуть. А заново ли?

Человеческая боль — это не расстрел в упор. Человеческая боль — это хроническая болезнь, следующая за нами ветром. Мы дышим, и боль бьет нас прямо по ребрам. Мы засыпаем, и она грызет наши самые светлые мысли. Мы просыпаемся, и она ломает наши кости.

Мы становимся старше, и боль взрослеет вместе с нами.

Мы никогда не будем способны полностью от нее избавиться. Все то, что нам дано — это лишь глушить ее. Кто-то закидывается таблетками, кто-то топит ее любовью, некоторые просто живут с ней. Я обошла все эти пути, найдя свой, и ты никогда не должна была о нем узнать. Как, впрочем, и я не должна была узнать о твоем.

Этой зимой я являюсь единственной, кто находится на подземном этаже во время перемены. Раньше протиснуться через узкие ряды шкафчиков, около которых щебетали толпы подростков, было невозможно. Сейчас же все боятся за место около батареи в школьном коридоре. Самое теплое, конечно же, достается тебе, и меня нет рядом с тобой, чтобы разбудить в себе Немезиду и оспорить твое право на него. Мне и не хочется.

Я сижу, поджав под себя колени, и читаю «Великого Гэтсби». Переворачивая страницу, морщусь: отчего-то Дэйзи представляю тобой. Желание читать дальше сразу же отпадает, поэтому я кладу книжку обратно в свою сумку. Бездумно таращаюсь на стену перед собой, а затем закрываю глаза. Мне не хочется ни думать ни о чем, поэтому я стараюсь уснуть, но тут появляешься ты.

Ты спускаешься вниз молнией: твои туфли отбивают каблуком намного быстрее, чем обычно. Спустя секунду ты останавливаешься, и вокруг становится тихо, но следом раздается грозовой стук. Ты что-то выкидываешь, и в момент, когда ты вбегаешь в сторону нашего ряда шкафчиков, я понимаю, что именно.

На тебе нет обуви, и один из каблуков твоих «лодочек», за которые каждая в этой школе готова продать душу, одиноко лежит у стены. Я поднимаю взгляд выше, и мне предстает твое лицо. Твои глаза покрыты пеленой слез, от которой ты не можешь избавиться, сколько бы раз не протирала их руками. Понимаешь, что это бессмысленно, поэтому просто закрываешь их руками и

бежишь в самый угол. Переступаешь через мои колени и садишься, облокотившись о свой шкафчик, а затем обхватываешь себя руками.

И тогда ты ломаешься.

Ты прячешь лицо в своих ладонях и позволяешь себе громко, протяжно и глухо завыть. Ты плачешь, и твои горькие слезы падают прямо на пол. Ты пытаешься их остановить: хватаешься за глаза, другой рукой пытаешься протереть мокрый пол, но спустя несколько минут плюешь и на это. Боль захватывает тебя волной, и ты не отдаешь себе отчета в том, что ты делаешь. Ты бьешь кулаком по шкафчику, кричишь и тянешь за волосы. В этот момент не выдерживаю я.

Жалость к тебе, словно бедная бродячая кошка, жалобно пищала и скреблась по стенкам черепной коробки, просясь наружу. Становилась дикой, мерзкие, прогнившие зубы оскаливалась и блестела своими злобными глазками. Скрипела и когтями впивалась в мозги, создавая отвратительный звук в голове и затуманивая весь рассудок. Я ведь ничего не должна к тебе чувствовать.

Но я все же чувствую.

Я подхожу ближе к тебе и сажусь рядом. Обхватываю тебя руками и прижимаю к груди. Ты тянешься ко мне, обнимая меня своими тонкими руками, а затем плачешь еще сильнее. Ты съеживаешься у меня в руках, как маленький ребенок, и я гладжу тебя по голове. Ты больше не бьешься в лихорадке, а лишь прячешь свою голову в моей водолазке. Она вся пропиталась твоей косметикой, но я плюю и на это. От этого пятна легче избавиться, чем от боли, что ты несешь у себя на плечах.

Ты цепляешься за меня, словно за спасательный круг, только забываешь о том, что я тону точно так же, как и ты. Границы между тобой и мной рушатся

родителей рушился у тебя на глазах, и ты не могла не винить себя, ведь твое странное поведение породило новые споры. Ты падала, балансируя между «ты полнейшее разочарование, Виллоу» и «мы тебя любим и заботимся о тебе», еще сильнее, и мне отчаянно хотелось тебя словить.

В начале я тебя не любила, Виллоу. В начале я просто знала, что, наперекор лучшим традициям романтизма, бороться со всем этим одному невозможно. Ты ведь не чертова машина и не олимпийский титан, а обычный подросток, растоптаный этим миром, а следом подобранный мной.

С того момента ты стала намного меньше. Твои щеки опали, и ты перестала выглядеть, как ребенок, но твои поступки стали более детскими. Например, ты стала все больше и больше тянуться к свету, без зазрения совести и здравого ума вверяя мне в руки свою душу. Ты не боялась того, что я ее сломаю. Я не знала, была ли это твоя наивность, или же ты действительно доверяла мне. Одно я знала точно: я действительно хотела, чтобы ты мне верила. *Даже сейчас.*

Мы стоим на вершине невысокой горы, крепко вцепившись в руки друг друга. К нам ботинкам прикреплены лыжи, и мы боимся упасть вниз. Позади нас стоят мои родители, снимающие нас на свою камеру.

— Ну же? Неужели, вы струсили и теперь не сможете проехать даже и метра?
— кричит папа, и я смеюсь, понимая, как же жалко мы выглядим со стороны.

Ты переводишь свой взгляд с горы на меня и улыбаешься мне. Я знаю, что тебе страшно лишь из-за того, что ты здесь раньше не каталась. В Орегоне ты взбиралась на горы повыше и падала всего четыре раза за восемь лет. Я же здесь всего в пятый раз, и это моя первая попытка скатиться с горы на лыжах.

— Знаешь, я думаю, что это не самая хорошая идея. Мне кажется, я упаду. У вас снег другой. — Ты делаешь шаг назад и собираешься уйти, но я тут же хватаю тебя за руку.

Я не могу позволить тебе уйти. Я хочу показать тебе, что есть и другая жизнь, где вещи намного проще и ярче. Это была жизнь, с которой не стоило бороться.

— Если ты не попробуешь, ты никогда не узнаешь. Не бойся, я удержу тебя в случае чего.

И ты снова доверяешься мне. Мы в последний раз сжимаем руки друг друга, а затем скатываемся вниз.

Когда мы оказываемся снизу, родители уже ждут нас там. Мама говорит, что чуть не оглохла от наших криков. Папа жалуется на то, что на записи не слышно наших голосов из-за того, что мама ругалась с одним из работников, который не предупредил нас о том, что была гора поменьше.

В любом случае, мы с тобой ни на что не жаловались. Когда мы скатывались вниз по горе, на секунду у меня перехватило дух. Сделать выдох было чертовски трудно, то ли из-за холодного воздуха, резко наполнившего мои легкие, то ли из-за ощущения жизни, охватившего всю меня. И ты, я знаю, чувствовала то же самое, потому что, когда мы спускаемся, ты тут же обнимаешь меня. Я не ожидаю этого и падаю, ты — следом за мной.

— Ты сказала, что будешь держать меня! — Ты звонко смеешься, пытаясь встать с места. Я делаю это первой и падаю тебе руку, произнося:

— Что ж, если мы упали, то хотя бы сделали это вместе, верно?

Ты принимаешь мою руку и киваешь в согласии. *Верно.*

громче. Неужели, это действительно ты? Ты не заставляешь всех нас гадать и оказываешься в коридоре наших шкафчиков спустя всего пять секунд.

И никто тебя не узнает.

Ты намного меньше, чем в последний раз. Кажется так, что подуй, ветер заново окна, он тебя тут же унесет. Мне не кажется: когда это действительно происходит, ты шатаешься, пытаясь удержать равновесие. Хрипишь и опираешься рукой о соседний шкафчик, делая глубокий вздох.

— Виллоу?

Я оказываюсь первая, кто нарушает гробовое молчание, повисшее в воздухе в момент, когда ты пришла. Я являюсь так же первой, кто выходит навстречу тебе. Я не знаю, о чем мне говорить, но я чувствую, что должна обнять тебя и что-то сказать.

Однако ты падаешь прежде, чем я успеваю до тебя дойти.

Шесть

Когда твое почти что безжизненное и холодное тело выносят из школы навстречу машине скорой помощи, идет снег. Он ни толику не похож на первый: кажется так, будто он падает несколько дней подряд. Снежинки не тают, коснувшись земли, а формируют тонкий слой снега, который, к моменту, как мы доедем до главной больницы, станет толще. У нас нет времени любоваться этим: мы садимся в машину и сразу же уезжаем.

Меня берут с тобой, потому что директор думает так, будто я что-то знаю и могу рассказать медикам о том, что с тобой происходило. Они не учли только того, что я ни черта не знала о том, что происходило с тобой последние три недели, но я не стала возражать. Главным было то, что меня взяли с тобой.

— Во сколько часов она упала? — Один из работников скорой помощи не прекращает задавать одни и те же вопросы. Я выдыхаю и говорю ему то же, что и две минуты назад:

— Я не знаю. Я не следила за временем, когда ловила Виллоу.

Он недовольно хмурится, но все же записывает мои слова. Директор звонит в школу и просит миссис Абрамс опросить девочек. Прежде, чем она засыпает его вопросами, он успевает отключиться. Теперь же ему звонят родители Виллоу, спрашивая, куда им ехать. Он диктует адрес, а затем выключает телефон, устало вздыхая. Мистер Кроуфорд переводит взгляд на маленькое окно и замечает, что мы остановились.

— Что произошло? — раздраженно произносит он, поворачиваясь к сотруднику, что ехал с нами сзади. — Почему мы стоим?

— Дорогу не прочистили от снега. Мы не можем проехать.

— Что значит «мы не можем проехать»?

Если бы ты была в сознании (а мы водили нашатырем перед твоим носом несколько раз), ты бы обрадовалась виду за окном. Ветер сильный настолько, что кажется так, будто он воет. Вдобавок ко всему этому, снег падает так быстро и такими большими хлопьями, что заметить что-либо практически невозможно.

Она кивает в сторону сломанного почтового ящика, из которого выглядывали края нескольких фотографий. Мы подходим к ним, и я беру их в руки. На одной из фотографий мы с миссис Абрамс видим маленькую тебя и молодых родителей; на другой — четырнадцатилетнюю тебя со своими друзьями из старой школы; на третьей — ты и Пайпер.

— Когда она пришла ко мне, я отправила ее домой. Оказалось, все это время она пряталась в доме у своей тети, и она скрывала ее от родителей. Она уходила на работу, и Виллу оставалась одна. Мне кажется, мне не стоило тогда сразу звонить ее родителям.

Я дохожу до самой последней фотографии и замираю. На ней мы с тобой стоим в лыжах, смешно позируя на камеру, и ты выглядишь настолько живой, что у меня невольно щемит сердце. Я глотаю тяжелый ком в горле и спрашиваю:

— Ну и что же мне теперь со всем этим делать? Да, мы все провалились в том, чтобы ее удержать, хоть как-то ей помочь, но и что теперь мне делать с этим фактом? Как мне жить, зная, что она не хотела, чтобы ее держали, но одновременно с этим — да? Как мне жить с осознанием того, что мы не смогли удержать ее?!

— Ты можешь просто продолжить жить.

— Вы говорите так, будто это легко.

К сожалению, мир — это не кино, в которых спустя какое-то время после смерти главного героя у всех остальных наступает светлая полоса. Например, твои родители еще сильнее разругались после твоей смерти и, убитые горем, окончательно развелись. Все, кроме Пайпер, вели себя так, словно тебя никогда и не было. Миссис Абрамс до сих пор думала, что нам всем когда-нибудь станет легче.

Нам ведь никогда и не станет.

Все мы несли на своих плечах твою смерть. Все мы были в ней виноваты, но именно я должна была держать тебя даже тогда, когда ты просила меня об обратном. Я ведь была твоей подругой, в конце концов! Единственным человеком, которому ты доверилась.

Я пронесу это бремя через всю свою жизнь. Я буду помнить о тебе до самого своего последнего вздоха. И когда миссис Абрамс утверждала обратное, она чертовски сильно ошибалась, потому что не знала одного.

Каждый раз, когда наступает зима, первое, что приходит мне в голову — это ты.